

Гао Хун никогда не был хорошим человеком, поэтому после его смерти мало кто горевал о нём. Сам он не испытывал по этому поводу никаких чувств. Многие годы он эксплуатировал других, и накопленная ненависть была ему хорошо известна. После смерти его ругали, говоря, что он «заслужил свою смерть» или что «небеса справедливы», но это не доставляло ему ни малейшего дискомфорта. Конечно, можно возразить, что мёртвые не чувствуют боли, и сам Гао Хун всегда считал, что у покойников нет ощущений. Однако это мнение изменилось, когда он сам оказался среди мёртвых.

Прошло уже полмесяца с тех пор, как Гао Хун умер, и его душа всё это время была заточена в его собственном доме. Он представлял себе множество вариантов своей смерти: убийство по заказу конкурирующей компании, смерть в постели женщины или под колёсами автомобиля. Он даже думал, что в старости его убьют наследники, борющиеся за его состояние. Но он никогда не предполагал, что умрёт во сне. Современный Хуан Шижэнь из города Т скончался в возрасте двадцати восьми лет, захмелев и заснув в своей постели. Это звучало как злая шутка, но так оно и случилось.

Гао Хун, лежа на потолке, с холодной усмешкой наблюдал за мужчиной, который внизу обсуждал с представителями строительной компании снос его дома. Он знал, что за всё в жизни приходится платить, но не ожидал, что его дядя Гао Шэн так скоро решит продать его дом. Хотя Гао Хун был холоден и безжалостен к чужим, он считал, что хорошо относился к своим родственникам, всегда делился с ними чем-то ценным и помогал в трудных ситуациях. Но стоило ему умереть, как все они тут же начали делить его имущество, боясь опоздать и получить меньше. Всё остальное можно было простить, но этот дом был подарен ему матерью, и каждый знал, как много он для него значил. А теперь этот человек хотел его снести!

— Да, снесите всё. Я хочу построить западный особняк... — Гао Шэн, с животом, выступающим вперёд, улыбался, и в его маленьких глазах мелькал расчётливый блеск. — Ведь здесь кто-то умер, и без полного обновления жить здесь будет некомфортно.

— Вы правы, уважаемый Гао. Смерть в доме — это дурная примета. Мы всё тщательно очистим, чтобы вам было комфортно. Но насчёт цены... — Высокий и худой мужчина многозначительно потер пальцы.

— Хм! Ты что, думаешь, у меня нет денег? Мой племянник был без отца и матери, без детей, и всё его состояние в итоге достанется мне! Не говоря уже о тридцати семи процентах акций компании Гао. Когда я получу их, смогу построить сколько угодно вилл. Работай хорошо, и ты не останешься в накладе. — Гао Шэн с презрением посмотрел на мужчину, словно осуждая его корыстный характер, хотя сам не раз выпрашивал деньги у Гао Хуна.

Гао Хун с холодным выражением лица слушал слова своего дяди, полные скрытого торжества. Он понимал, что имущество, нажитое при жизни, не уносится с собой в могилу, и акции компании он готов был оставить дяде. Но он всё ещё был здесь, и если кто-то хотел снести его дом, это должно было произойти только с его согласия! За последние две недели Гао Хун пытался контролировать своё «тело». Его душа слилась с домом, лишив его возможности свободно перемещаться как отдельному призраку, но он мог управлять предметами в доме силой мысли. И сейчас ваза на столе по его воле с силой ударила по ноге Гао Шэна. Тучное тело дяди не успело среагировать, и он закричал от боли.

— Ой! Как больно! Что это за ваза?!

Высокий мужчина посмотрел на массивную фигуру Гао Шэна и подумал, что, вероятно, тот сам задел вазу, когда двигался. Возможно, это было возмездие за то, что он так поспешно решил снести дом своего племянника, который, кстати, умер именно здесь. Не боится ли он навлечь на себя проклятие?

Ваза ударила так сильно, что Гао Шэн не переставал ругаться, в том числе и на Гао Хуна, который даже после смерти доставлял ему проблемы. Сам же Гао Хун, наблюдая за этим с потолка, лишь усмехался. Едва дядя попытался подняться, как люстра с грохотом обрушилась на его голову. Несмотря на свою тучность, Гао Шэн удивительно ловко увернулся, перекатившись в сторону. Высокий мужчина, наблюдавший за этим, почувствовал холодный пот на спине. Это было слишком странно — люстра явно падала прямо на Гао Шэна. В их профессии такие вещи считались дурным предзнаменованием. Обычно перед началом строительства всегда проводили обряды, чтобы умилостивить духов. А здесь дом ещё даже не тронули, а уже происходят такие вещи. Если начнётся строительство, что тогда будет? Лучше отказаться от этого заказа!

— Уважаемый Гао, я только что вспомнил, что у меня есть крупный заказ, и в ближайшее время у меня не будет свободных рабочих. Возможно, вам стоит найти другого подрядчика. У меня ещё есть договор, который нужно подписать, так что я пойду!

С этими словами высокий мужчина бросился к выходу, оставив Гао Шэна кричать о том, что он пожалуется в строительную компанию. Но прежде чем он успел закончить, массивный красный стол начал подниматься в воздух. Гао Шэн замер от ужаса, его глаза округлились, и он с криком бросился бежать. Гао Хун провожал его взглядом, пока тот не скрылся за занавеской, и только когда машина Гао Шэна исчезла, он вернул своё внимание в дом.

Гао Хун знал своего дядю. Он был уверен, что тот вернётся. Этот дом был лакомым кусочком, и раз уж он его попробовал, то вряд ли легко откажется.

Как и предполагал Гао Хун, в течение следующих двух лет Гао Шэн приглашал множество даосов, буддийских монахов и колдуний, чтобы «изгнать» его. Сначала Гао Хун немного беспокоился, что среди них могут оказаться настоящие мастера, но вскоре понял, что его дядя нанимал только шарлатанов, и успокоился. Различные пугающие методы сменяли друг друга: тени на потолке, стоны из стен, шаги в коридоре... Гао Хун использовал все возможные способы, чтобы напугать тех, кого приводил Гао Шэн.

В конце концов терпение Гао Шэна иссякло. Возможно, из-за чувства вины, он продал дом богатому бизнесмену и переехал с семьёй за границу. Гао Хун повторил свои трюки, и вскоре новый владелец также покинул дом. Каждый раз, когда кто-то пытался поселиться здесь, Гао Хун устраивал паранормальные явления, пока люди не сбежали. Со временем дом получил репутацию «дома с привидениями», и постепенно никто больше не решался в него въезжать.

Поначалу Гао Хун время от времени создавал шум в пустом доме, отпугивая воров. Позже

некоторые из соседей, особенно впечатлительные, переехали, и вокруг дома стало пустынно. Годы шли, сад зарос сорняками, и Гао Хун, скрываясь за занавеской, молча наблюдал за буйной зеленью. Постепенно он перестал создавать шум, стал тихим. Шторы на окнах второго этажа были плотно закрыты.

В тот день Гао Хун «сидел» на диване, читая книгу, когда внизу раздался звук открывающейся двери. Он нахмурился, раздражённый тем, что его покой нарушили.

Как призрак, много лет владеющий этим домом, он крайне не любил, когда кто-то вторгался на его территорию.

Многие приходили сюда за острыми ощущениями, в основном подростки. К ним Гао Хун относился снисходительно, позволяя им с визгом убежать, не причиняя реального вреда. Но к ворами и хулиганам, надеявшимся нажиться, он был беспощаден, не отпуская их, пока не наказывал по-настоящему. Кто же сейчас осмелился войти в дом среди бела дня? Раз уж они сами пришли, то уйти им будет не так просто. С бесстрастным выражением лица он закрыл книгу, отправив её обратно на полку, и перенёс своё внимание на входную дверь.

<http://bllate.org/book/15431/1366192>